

7. Фролова, И. Ю. Особенности курса КНР во взаимодействии с государствами Латинской Америки / И. Ю. Фролова // Международная политика. – 2014. – № 5. – С. 76–82.

8. Domínguez, J. China's relations with Latin America: Shared gains, asymmetric hopes / J. Domínguez // Inter-American Dialogue. – 2006. – P. 1–59.

Внешнеполитическая стратегия Турции в отношении Туркменистана. Турецкая стратегия реализации в Туркменистане идеи «старшего брата»

*Худайбердиева Н. Х., асп. БГУ,
науч. рук. Хухлындина Л. М., канд. ист. наук, доц.*

Распад Советского Союза и образование в Центральной Азии молодых республик привели к геополитической борьбе мировых держав и региональных лидеров за первенство на данной территории. Для Турции данный регион имел первоочередное значение. Во-первых, со странами Центральной Азии, в первую очередь Туркменистаном, у страны были тесные культурные, религиозные, языковые связи, которые прервались в советский период. Во-вторых, Туркменистан вызывал у Анкары интерес как стратегический поставщик энергоресурсов. В-третьих, территория Туркменистана представляла геополитический интерес, т.к. являлась важной транзитной зоной.

В первой половине 1990 г. руководство Турции активно стремилось установить контроль в бывших центральноазиатских республиках СССР. В частности, Анкара старалась распространить в новых государствах идею использования в управлении государственными структурами турецкого варианта, хотела оказать помощь в переходе на рыночную экономику, в формировании новых систем образования.

Однако Туркменистан настаивал на сохранении своего суверенитета. В этой связи Ашхабад старался не связывать себя тесными политическими связями с другими государствами. Турция была вынуждена принять провозглашенный в 1995 г. в ООН нейтралитет Туркменистана [2]. После этого отношения между Ашхабадом и Анкарой характеризовались стабильными нединамичными политическими контактами.

Только после прихода к власти в 2007 г. Г. Бердымухамедова, отношения между двумя странами перешли на качественно другой уровень. К этому моменту туркменское руководство пришло к выводу о необходимости проведения комплекса внешнеполитических реформ, направленных на укрепление своего международного имиджа, а также на расширение внешнеэкономических связей страны [1].

В 2000–2010 гг. турецко-туркменские отношения перешли в новое русло. Во-первых, у сторон появились общие точки соприкосновения в политике, расширились контакты на высшем уровне. В частности, обе страны были заинтересованы в сохранении стабильности и безопасности в Центральной Азии. Важным направлением сотрудничества в данном направлении стали усилия Турции в урегулировании разногласий между Туркменистаном и Азербайджаном по поводу принадлежности газового месторождения Сердар/Кяпаз [3, с. 86].

Во-вторых, для расширения партнерства активно использовались культурно-исторические связи стран, что привело к осуществлению широких контактов между научными и культурными кругами сторон, а также активизации культурного, академического и студенческого обменов. Традиционным стало проведение на регулярной основе Дней культуры Туркменистана в Турции/Дней культуры Турции в Туркменистане, в рамках которых делегации стран представляют достижения национальной культуры, искусства и др.

В-третьих, расширились экономические контакты. Туркменистан и Турция обладают большим потенциалом по развитию торгово-экономических отношений, инвестиционному партнерству. Наиболее популярными направлениями деятельности стали энергетика, строительство, проведение трубопроводов, автомобильных и железных дорог [1].

Доказательством роста экономических контактов Турции и Туркменистана являются данные о товарообороте стран. В 2011 г. общий объем торговли составлял 1 886 млн долларов США, в 2013 г. – 2 611 млн долларов США, в 2014 г. – 2 856 млн долларов США [4].

Таким образом, туркмено-турецкие отношения несут в себе большой потенциал. Идея «навязывания» идеологии «старшего брата» в лице Турции не получила одобрения у туркменского руководства, т.к. представляла потенциальную угрозу выбранной внешнеполитической стратегии страны. Благодаря смене руководства в Туркменистане, проведению широких реформ в Турции, страны в XXI в. достигли новых результатов по всем направлениям сотрудничества.

Литература

1. Ковалев, В. И. О развитии отношений между Турцией и Туркменистаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=30258>. – Дата доступа: 11.11.2019.

2. Постоянный нейтралитет Туркменистана: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/50/601 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80>. – Дата доступа: 11.11.2019.

3. Троицкий, Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) / Е. Ф. Троицкий // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 328. – С. 84–88.

4. Economic relations between Turkey and Turkmenistan / Republic of Turkey Ministry foreign affairs [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/economic-relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>. – Date of access: 11.11.2019.

О начале взаимодействия КНР с ЮНЕСКО (1971–1978 гг.)

*Ши Дандань, асп. БГУ,
науч. рук. Свилас С. Ф., д-р ист. наук*

25 октября 1971 г. 26-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН (76 головами «за» при 35 «против» и 17 воздержавшихся) одобрила внесенный 23 странами проект резолюции и приняла решение № 2758 о восстановлении законных прав КНР в ООН [1].

27 октября 1971 г. в соответствии с резолюцией 88-ЕХ 48 Исполнительного совета принято решение (24 голосами «за» при 2 «против» и 5 воздержавшихся), в котором признавалось, что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным представителем в ЮНЕСКО [2].

4 ноября 1971 г. сотрудники посольства Китая во Франции приглашены на празднование 25-летия создания ЮНЕСКО. В октябре следующего года группа китайских дипломатов во главе с послом КНР во Франции Хуан Чжэнем приняла участие в 17-й сессии Генеральной конференции. Посол выступил с речью «Полное освобождение наций – путь к развитию и процветанию ЮНЕСКО», что означало официальное возвращение Пекина в это специализированное учреждение ООН [3, с. 51].

В 1972–1973 гг. Генеральный директор Рене Майо дважды посещал КНР, его преемник Амаду Махтар посетил КНР в 1975 г. В июле 1975 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, несмотря на болезнь, встретился с Амаду Махтаром в Пекинской больнице. Дэн Сяопин, заместитель премьер-министра, также встретился с Генеральным директором. В ходе визитов Рене Майо и Амаду Махтара достигнуты устные договоренности о сотрудничестве, на которое ранее негативное влияние оказала культурная революция.

Во время встречи Дэн Сяопина с Амаду Махтаром в 1978 г. китайский лидер признался: «Когда вы впервые приехали, в Китае была «Банда четырех», которая мешала нашему сотрудничеству. Если вы предлагали проводить широкомасштабные международные обмены или отправлять иностранных студентов для учебы за границу, это было не совсем возможно. В то время у меня не было необходимых условий для начала сотрудничества с ЮНЕСКО» [3, с. 58].